

К вопросу о кризисах в хозяйстве СССР

О воспроизводстве в хозяйстве СССР

Проблему воспроизводства капиталистического хозяйства Маркс сформулировал в своих знаменитых схемах. Идя от анализа простого воспроизводства к расширенному, а от него — к установлению причин кризисов, Маркс следует своему основному методологическому правилу: он отправляется от простейшей абстракции и путем ее постепенного усложнения создает такую логическую конструкцию, которая все в большей мере охватывает многообразное содержание сложной конкретности. В схемах простого и расширенного воспроизводства марксов анализ находится еще в области довольно глубокой абстракции. В них совершенно игнорируется дифференциация класса капиталистов со всеми сложнейшими экономическими процессами и изменениями экономических категорий, которые она вызывает; в них игнорируется специфичность взаимоотношений между отдельными капиталистами, приводящая к резкому извращению формы, которую прибавочная ценность принимает на поверхности явлений. Маркс в своих схемах отвлекается также и от роста органического строения капитала, несмотря на то, что этот рост является обязательным спутником капиталистического накопления и имеет колоссальное значение в конкретном ходе капиталистического воспроизводства. Мы не говорим уже об отвлечении от докапиталистических отношений, от них Маркс абстрагируется даже на более высокой ступени анализа, в теории кризисов. В схемы простого и расширенного воспроизводства включены только взаимоотношения между классом капиталистов (как целым) и рабочим классом. В соответствии с этим находится и экономическая формулировка материального процесса производства: этот последний состоит из постоянного капитала (т.-е. труда, присвоенного капиталистом в предыдущие периоды производства), переменного капитала (т.-е. труда рабочего, который в данный момент создает ценность для капиталиста, но оплачивается им) и прибавочной стоимости (т.-е. той части труда, которая создает новую ценность для капиталиста и не оплачивается последним совершенно). Схемы включают в себя закон производства прибавочной стоимости, т.-е. основной закон накопления капитала. В них, следовательно, проблема равновесия решается в аспекте тех производственных и рас-

пределительских отношений, которые возникают только из факта эксплуатации рабочей силы, как товара. Таким образом, первый урок, который следует извлечь из марксовских схем, состоит в необходимости учета того обстоятельства, что Маркс в начале анализа поставил себе целью выяснить, каким образом устанавливается соответствие между отраслями производства, а следовательно, и между спросом и предложением при данной классовой структуре общества, с присущим этому обществу основным законом накопления и распределения.

Второй урок можно извлечь при правильной оценке соображений, под влиянием которых Маркс разбил все общественное производство на два подразделения, именно — на производство средств производства и производство средств потребления. Отраслей, в совокупности составляющих все общественное производство, громадное множество. С другой стороны, признаков, по которым можно было бы произвести классификацию отраслей, тоже довольно много. Почему Маркс в основу своей классификации положил разграничение не между производством основного и оборотного капитала, а между производством средств производства и средств потребления? Вся сумма ценностей, оказывающаяся в распоряжении общества, в результате всякого данного производственного периода представляет собою общественный продукт, однако, ни в коем случае, разумеется, нельзя считать, что вся она создана именно в течение данного периода. На ряду с созданием новой ценности, труд обладает способностью переносить на свой продукт ценность ранее произведенных средств производства. Следовательно, общая сумма ценностей, появляющаяся в заключение какого-либо производственного периода, всегда больше той ценности, которую все общество в течение данного периода произвело и больше именно на ту часть, которая была создана в предыдущее время и в данный производственный период вступила в качестве мертвого труда, т.е. средств производства. Разумеется, и эту часть ценностей, в конечном счете, можно считать доходом общества, однако, это такой доход, который был произведен в предыдущее время, который в данный производственный период вступил в качестве старых запасов общества и, следовательно, доходом данного производственного периода считаться не может. Вся колоссальная принципиальная важность разграничения понятий общественного продукта и общественного дохода совершенно наглядно выступает при анализе как простого, так и расширенного воспроизводства, хотя в каждом из них она выступает по особенному.

При простом воспроизводстве вся ценность, вновь созданная в течение данного производственного периода, полностью потребляется рабочим классом (*v*) и классом капиталистов (*m*). Ранее же накопленные средства производства (*c*), которые входят слагаемым в оказавшийся в результате данного производственного периода об-

щественный продукт, не входят в процесс индивидуального потребления и должны быть полностью сохранены, как постоянный капитал для следующего производственного периода. В противном случае оказалось бы, что общество расстратило на индивидуальное потребление не только весь общественный доход, но и часть старых запасов. Однако, эта функциональная разница между старыми запасами и общественным доходом должна найти себе полное соответствие в материальной структуре общественного продукта. Необходимо, чтобы общественный продукт содержал в себе такое количество предметов потребления, которое бы по своей ценности полностью соответствовало размерам общественного дохода. С другой же стороны, необходимо, чтобы из общей суммы общественного продукта в материальной форме средств производства была такая часть, ценность которой не больше и не меньше ценности старых запасов, которые должны войти в качестве постоянного капитала в следующий производственный период, совершенно не изменив своих размеров. При соблюдении этих условий процесс простого воспроизводства совершится беспрепятственно; в противном же случае неизбежно нарушение равновесия, кризис. Из сказанного ясно, что основная трудность воспроизводства проистекает оттого, что общественный продукт, в противоположность мнению Ад. Смита, не совпадает с общественным доходом. Поскольку Ад. Смит отождествил общественный продукт с общественным доходом, основная проблема воспроизводства совершенно исчезла с поля его зрения. И, наоборот, перед Марксом она встала с абсолютной ясностью и он положил ее в основу своих схем. При простом воспроизводстве все второе подразделение должно произвести такое количество ценностей, которое полностью соответствует общественному доходу, созданному в обоих подразделениях, ибо второе подразделение производит средства индивидуального потребления и, наоборот, первое подразделение должно произвести средства производства в размерах, абсолютно совпадающих с величиной постоянного капитала в обоих подразделениях.

Эту основную проблему процесса воспроизводства Маркс и выразил, разбив все отрасли на два подразделения именно по указанному признаку.

Расширенное воспроизводство от простого отличается тем, что при нем часть общественного дохода изымается из сферы личного потребления и употребляется на расширение производства в следующий производственный период. Часть общественного дохода в данное время не реализуется как доход, а превращается в постоянный капитал следующего производственного периода. Естественно, что для бескризисного воспроизводства этому функциональному изменению части общественного дохода должно корреспондировать соответствующее изменение материальной структуры общественного продукта. Достижение этого соответствия представляет собою чрезвычайно

сложный процесс, однако, оно является необходимым условием бескризисного расширенного воспроизводства. Поэтому основной задачей схем расширенного воспроизводства и является формулировка тех условий, при которых возможно функциональное изменение части общественного дохода.

Идея, положенная Марксом в основу деления всех отраслей на производство средств производства и производство средств потребления, учитывает процессы отнюдь не исторически-преходящего характера. Необходимость систематического превращения части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода — это не специфически капиталистическая черта, она присуща всякому человеческому производству независимо от его общественной формы. Эта необходимость — изъять часть общественного дохода и употребить его на расширение будущего производства, при чем произвести это таким образом, чтобы не нарушилось соответствие между материальными элементами производства — эта необходимость в полной мере стоит и перед нашим переходным хозяйством. Следовательно, дифференциация всего общественного производства на так называемые 1 и 2 подразделения совершенно обязательна при анализе проблемы воспроизводства в хозяйстве СССР. Эту часть марксовских схем не только можно использовать при анализе воспроизводства в нашем хозяйстве, ее можно полностью и без всяких изменений включить в этот анализ, ибо она отображает процессы, присущие всем экономическим формациям.

Вряд ли нужно специально оговариваться, что это ни в какой мере не относится к другой части марксовских схем — к ценностной формулировке производственного процесса, протекающего в этих подразделениях. Если разбивка всего общественного производства на указанные два подразделения формулирует задачу, общую всем формациям, то ценностная формулировка производственного процесса, наоборот, показывает, как эта внеисторическая задача осуществляется при воспроизводстве данной системы экономических отношений на фоне действия основного закона капиталистического накопления и распределения. Ясно, следовательно, что для того, чтобы суметь использовать идею, положенную в основу деления всего общественного производства на указанные Марксом два подразделения, необходимо предварительно дать характеристику того социально-экономического фона, на котором происходит обмен веществ между этими двумя подразделениями.

Если капиталистическое общество однородно, хотя и состоит из двух противоположных полюсов, то наше хозяйство представляет собою процесс взаимодействия трех, коренным образом отличающихся друг от друга типов отношений. Социалистический сектор непосредственные товаропроизводители (крестьяне и кустари) и капиталистические элементы города и деревни, — каждый из этих со-

ставных элементов нашей экономики обладает своими собственными тенденциями развития, которые в совокупности и составляют тот экономический фон, на котором разворачиваются процессы материального производства и воспроизводства.

Государственная промышленность является собственностью всего общества, из чего следует, во-первых, что ее непосредственный „хозяин“ (правительство) имеет известную власть над всем народным хозяйством и даже над теми его частями, которые на рынке выступают конкурентами государственной промышленности, и, во-вторых, то, что интересы промышленности не замыкаются рамками самой промышленности, что поскольку промышленность является орудием диктатуры пролетариата в деле социалистической перестройки всего нашего хозяйства, постольку ее интересы не могут быть противопоставляемы интересам всего народного хозяйства.

Хозяйство простых товаропроизводителей развивается на принципиально иных экономических основах. Непосредственно движущим стимулом хозяйственной деятельности простого товаропроизводителя являются только интересы его хозяйства. Свое отношение к росту всего народного хозяйства, к росту государственной промышленности, к той или иной экономической политике государства, к происходящим процессам социалистической перестройки народного хозяйства простой товаропроизводитель выявит в полной зависимости от того непосредственного влияния, которое перечисленные факторы окажут на судьбу его хозяйства. В этом смысле интересы простого товаропроизводителя не совпадают с интересами государственной промышленности. Однако, поскольку товаропроизводитель остается простым товаропроизводителем, т.е. не эксплуатирует чужого труда, постольку частнохозяйственные мотивы его деятельности не могут явиться непреодолимым препятствием для согласования его интересов с „интересами“ государственной промышленности. Вследствие трудового характера этих хозяйств, антагонизм с государственной промышленностью у них может возникнуть только на почве установления норм оплаты их труда.

Совершенно по иному обстоит дело с капиталистическими элементами нашей экономики, к которым мы, разумеется, относим также и деревенских кулаков. Первое свойство хозяйств простых товаропроизводителей присуще, разумеется, и им. Однако, в то время как простые товаропроизводители стремятся лишь к тому, чтобы их труд был обществом выгодно для них оплачен, капиталистические элементы стремятся подчинить своему господству возможно большее количество рабочих сил, а в качестве предпосылки для этого — произвести превращение возможно большей части общественного дохода в постоянный капитал их капиталистических предприятий. В этой своей деятельности они вступают в неразрешимое противоречие с государственной промышленностью.

Выше мы указывали, что проблема расширенного воспроизводства перед всякой экономической формацией ставит задачу сохранения пропорциональности при отчуждении возможно большей части общественного дохода в средства производства для следующего производственного периода. В капиталистическом хозяйстве эта задача разрешается на фоне противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В нашем хозяйстве противоречий, присущих капитализму, нет. Но у нас имеется свое специфическое противоречие, по своему затрудняющее бескризисное превращение части общественного дохода в средства производства. Это противоречие проявляется в том, что превращение дохода в средства производства в нашем хозяйстве происходит одновременно по двум взаимно исключаящим линиям: обобществленной и частной.

Государственная промышленность, как решающий сектор обобществленного хозяйства, является ведущим началом в деле социалистической переработки нашей экономики, что достигается постоянным усилением ее влияния на определение характера развития крестьянского и кустарно-ремесленного хозяйства. Совершенно ясно, что это может происходить только на основе роста производительных сил. Однако, рост производительных сил является одновременно и процессом социалистической переделки нашей экономики только потому, что он происходит на основе согласования задач государственной промышленности с хозяйственными интересами представителей простого товарного производства. Различие движущих мотивов их деятельности не устраняет, таким образом, возможности сочетания их интересов в целях общего развития в одном определенном направлении. Это направление определяется тенденциями государственной промышленности, реализуется в постепенной социалистической перестройке нашей экономики и, следовательно, является процессом социалистического накопления, т.е. такого накопления материальных ценностей, которое сопровождается и стимулирует процесс расширенного воспроизводства социалистических отношений.

Какова роль капиталистических элементов в этом процессе расширенного воспроизводства? Очевидно, что в том обмене веществ между отраслями, который реально в нашем хозяйстве происходит, капиталистические элементы принимают постоянное участие и в этом смысле они являются необходимой составной частью нашего хозяйства. Однако, своим участием они не только не способствуют социалистическому накоплению, но систематически препятствуют ему. По мере роста социалистического накопления и укрепления экономических позиций государственной промышленности должно происходить усиление непосредственной связи этой последней с простым товарным хозяйством, а это равносильно постепенному устранению возможностей развития для капиталистических элементов, которые могут гнездиться лишь в щелях, образовавшихся

между государственной промышленностью и простым товарным хозяйством. Эта закономерность находит себе совершенно реальное, рыночное выражение. Рыночная действительность в форме непосредственной коммерческой выгоды постоянно фиксирует ее перед капиталистическими элементами, побуждая их искать базу для своего развития за пределами государственной промышленности и на участках, меньше других связанных с этой последней. Теряющие почву там, где государству удается непосредственно связаться с простым товарным производством, они стремятся проникнуть на те участки, где они со стороны государственной промышленности не встречают препятствий в отношении превращения в постоянный капитал дохода, создаваемого их наемными рабочими, а также связанным и зависимым от них крестьянством и кустарями. Иначе говоря, поскольку успехи социалистического накопления лишают их возможностей развития, они стремятся создать свою собственную сферу накопления, огражденную от влияния социалистической промышленности. Они стремятся поставить свое предприятие в такие условия, которые позволили бы ему существовать и развиваться не соприкасаясь с государственной промышленностью. Все конкретные исследования деятельности частного капитала, произведенные в последнее время, сходятся на констатации того обстоятельства, что частный капитал стремится создать свой замкнутый круг с включением в него, кроме своих официальных наемных рабочих еще и возможно большей части крестьянства и кустарей.

Крестьяне и кустари оказываются, таким образом, объектом борьбы обоих противоположных секторов нашей экономики. Государственное хозяйство стремится через кооперацию направить простое товарное хозяйство в единый процесс воспроизводства социалистических отношений; капиталистические элементы, наоборот, пытаются оттянуть крестьянство и кустарей из-под влияния государственной промышленности и слиться с ними в единый процесс воспроизводства капиталистических отношений. В едином хозяйстве создается, таким образом, как бы два самостоятельных и противоположных друг другу круга воспроизводства. При этом каждый из борющихся секторов по своему стремится использовать связь с мировым хозяйством. Капиталистический сектор ведет борьбу против монополии внешней торговли, стремясь, таким образом, включить в капиталистический круг воспроизводства влияние мирового капиталистического хозяйства; социалистический же сектор, наоборот, берет (в форме монополии внешней торговли) под контроль связь с мировым хозяйством и таким путем использует ее в интересах социалистического круга. Следовательно, проблема связи с мировым хозяйством разрешается тоже в аспекте только-что установленного противоречия нашей экономики, что решает вопрос, как о допустимых с точки зрения интересов социалистического круга формах связи, так и о размерах ее.

Разумеется, составные части этих двух противоположных кругов воспроизводства в хозяйственной жизни постоянно связываются друг с другом. Мы утверждаем, что капиталистические элементы стремятся создать свою собственную среду, однако, этим мы вовсе не хотим сказать, что между ними и социалистическим сектором не устанавливается никакой связи. Наоборот, любой капиталист, если ему представится возможность „заработать“ путем той или иной связи с государственным предприятием, не откажется от нее, хотя он и великолепно знает, что эти возможности временные и что, следовательно, в создании собственной среды надобность не миновала. С другой стороны, государственные предприятия, не сумевшие в том или ином пункте установить непосредственную связь с простым товарным производством, вынуждены соглашаться на посредничество частного капитала, зная, однако, что оно, при прочих равных условиях, затруднит рост социалистических отношений. Тем более это относится к простому товарному производству. Одно и то же крестьянское хозяйство часто связывается одновременно и с социалистическим и с капиталистическим сектором. Поскольку оно охватывается потребительской и сельскохозяйственной кооперацией и охватывающие его кооперативные звенья являются проводниками влияния социалистических командных высот, постольку оно способствует социалистическому накоплению, входит в социалистический круг воспроизводства, и наоборот поскольку то же крестьянское хозяйство сбывает часть своей продукции кулаку-скупщику, оно способствует росту капиталистических отношений, входит в капиталистический круг воспроизводства. Таким образом, в процессе непосредственной хозяйственной жизни представители различных экономических укладов, дополняя друг друга, образуют единое народное хозяйство. Однако, грубейшей ошибкой было бы видеть только процесс воспроизводства материальных благ и не заметить проблемы воспроизводства производственных отношений. А особенность переходной экономики в том и состоит, что хозяйственный процесс представляет собою единое целое и, вместе с тем, рост производительных сил происходит в форме борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций, в форме стремлений к расширенному производству двух взаимно исключающих систем производственных отношений, т.е., как мы выше условно определили, в форме борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим кругом воспроизводства. Из переходного характера нашей экономики с необходимостью вытекает, что стремление к воспроизводству социалистических отношений все в большей и большей мере должно увенчиваться успехом, в то время как попытки воспроизводства капиталистических отношений в конечном счете должны остаться попыткой с негодными средствами. Однако, это обстоятельство не исключает существования капиталистического круга воспроизводства, а наоборот, предполагает его.

Таким образом, основное противоречие нашей экономики состоит в наличии раздвоенности расширенного воспроизводства в едином народном хозяйстве. Именно со стороны этого противоречия возникают основные препятствия в отношении сохранения равновесия при превращении части общественного дохода в средства производства. Переходная экономика свободна от противоречий капитализма, но она содержит в себе специфическое противоречие, обусловленное именно ее переходным характером. Когда это противоречие достигает особенно больших размеров, оно проявляется в кризисных нарушениях пропорциональности. Однако, в сравнительно слабой форме оно дает себя чувствовать постоянно. Общеизвестно, например, что государственная промышленность со сравнительно высокой техникой, подчас не может из-за недостатка сырья реализовать всех своих производственных возможностей, в то время как мелкие частнокапиталистические предприятия с варварски отсталой техникой оказываются в состоянии связаться с производителем сырья и положить, таким образом, начало капиталистическому кругу воспроизводства. Благодаря связи с крестьянином — продавцом сырья, а затем с наемным рабочим или кустарем, капиталисту удается известную часть общественного дохода превращать в постоянный капитал своего капиталистического предприятия и, следовательно, соответственно сокращать социалистическое накопление. Но, кроме того, нужно отметить, что поскольку техника в капиталистических предприятиях несравненно ниже техники нашей государственной промышленности постольку всякий успех в этом отношении капиталистического круга воспроизводства означает не только сокращение социалистического накопления, но и задержку в развитии и даже прямой регресс производительных сил.

Из сказанного следует, что основным условием бесперебойного расширенного воспроизводства является систематическое расширение социалистического круга воспроизводства как за счет внутреннего роста, так и за счет сокращения размеров капиталистического круга воспроизводства.¹ И, наоборот, если бы быстрее развивался капиталистический круг воспроизводства, то в условиях монополии внешней торговли и национализированной промышленности это означало бы нарушение основных производственных пропорций как внутри государственной промышленности, так и в ее отношениях с простым товарным хозяйством, т.е. резкий кризис.

Из серьезных работ, вопросу о воспроизводстве в нашем хозяйстве, посвящена вышедшая в 1927 г. статья Е. Преображенского.² Эта работа представляет собою попытку применения марксовых схем воспроизводства при анализе процесса воспроизводства в на-

¹ Напоминаем, что „капиталистический сектор“ и „капиталистический круг воспроизводства“ — понятия совершенно различные.

² „Вестник Комм. Академии“, кн. XXII.

шем хозяйстве. Самый факт такой попытки можно только приветствовать, однако, характер использования марксовских схем нам представляется неудовлетворительным.

Е. Преображенский считает необходимым при анализе проблемы воспроизводства абстрагироваться от капиталистических элементов в нашем хозяйстве и, вместе с тем, не считает возможным абстрагироваться от неэквивалентного обмена. Эта особенность его подхода к проблеме наложила решающий отпечаток на все его выводы. Необходимость абстрагирования от капиталистических элементов аргументируется следующим образом:

„Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частного-капиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако, часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последних сектора представляют собою объединенный круг всего частного хозяйства вообще, и отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора“ (стр. 24).

Таким образом, в начале цитаты указывается, что анализ условий равновесия „делает необходимым“ деление нашего хозяйства именно на три сектора, сразу же за этим следует указание, что капиталистический сектор и товарный сектор „представляют собою объединенный круг всего частного хозяйства“, а в заключение утверждается, что в виду отсутствия нужных цифр о капиталистическом секторе, при конкретном анализе воспроизводства оказывается невозможным „деление хозяйства на три сектора“ и приходится смешивать в одно сектор капиталистический и сектор простого товарного производства. Действительно ли необходимо деление нашего хозяйства на три сектора, если простой товарный и капиталистический секторы „представляют собою объединенный круг всего частного хозяйства“? А если, несмотря на это, анализ условий равновесия в нашем хозяйстве все же требует деления его на три сектора, то можем ли мы считать хоть в какой-нибудь мере удовлетворительными результаты того конкретного изучения воспроизводства, при котором исследователь абстрагируется от одной из трех составных частей изучаемого процесса? Бесспорно, конечно, что отсутствие цифр при конкретном анализе является чрезвычайно существенным обстоятельством, однако, находить выход из положения путем сбрасывания со счетов целого класса вряд ли допустимо даже еще при конкретном анализе воспроизводства. Цифр, особенно достаточно удовлетворительных, может действительно не оказаться, но от этого капиталистические элементы не перестанут ни существовать, ни оказывать влияния на процесс воспроизводства. Думаем,

что тот конкретный анализ воспроизводства, который учтет все имеющиеся цифры, но не учтет воздействия, указываемого капиталистическими элементами на процесс воспроизводства, вряд ли может претендовать на плодотворность.

Однако, если при конкретном анализе воспроизводства нельзя отвлекаться от капиталистических элементов, то может быть такое отвлечение допустимо при абстрактном анализе этой проблемы? Марксистский метод не только допускает, но подчас и требует отвлечения от целого ряда явлений. Вообще говоря, абстрагирование от капиталистических элементов допустимо и при анализе нашей экономики. Однако, нужно ли доказывать, что такое абстрагирование допустимо не на любой ступени анализа и что исследователь, желающий правильно применить марксов метод абстракции, прежде всего, обязан помнить, что определенной ступени анализа данной общественной формации должна строго соответствовать определенная глубина абстракции. Если мы ставим себе целью установить, какова форма связи между отдельными производственными ячейками, в совокупности составляющими переходную экономику, мы не только можем, но и обязаны абстрагироваться от капиталистических элементов, ибо принципиальное содержание существующей формы связи обуславливается не капиталистическими элементами. Совершенно иначе дело будет обстоять при анализе процесса воспроизводства. Выше мы старались показать, что наличие капиталистических элементов оказывает качественное влияние на характер воспроизводства в нашем хозяйстве, что именно им обязано наше хозяйство раздвоенностью процесса воспроизводства. Абстрагироваться от капиталистических элементов значит абстрагироваться от этой раздвоенности, т.е. от основной отличительной черты „советского“ воспроизводства. Преображенский же, хотя и своеобразно, но все же абстрагируется от капиталистических элементов. Стирая разницу между ними и представителями простого товарного производства, он, таким образом, абстрагируется от тех моментов, которые отличают капиталистический сектор от сектора простого товарного хозяйства. Вместо того чтобы рассмотреть, каким образом происходит в процессе расширенного воспроизводства борьба между капиталистическим и государственным хозяйством за простое товарное производство, Преображенский зачисляет простое товарное хозяйство в один „объединенный круг“ с капиталистическим хозяйством и, следовательно, строить такую схему, которая могла бы соответствовать действительности только в случае полной победы капиталистических элементов над социалистическими. Основные проблемы, возникающие на почве борьбы двух противоположных полюсов за простое товарное хозяйство, с поля зрения Преображенского исчезают и остается только одна — проблема неэквивалентного товарообмена. Неправильно разделив нашу экономику на государственный сектор и противостоящий ему товарно-капиталистический сектор,

Преображенский упростил проблему воспроизводства до проблемы неэквивалентного обмена.

В виду того что Маркс при анализе воспроизводства в капиталистическом хозяйстве от неэквивалентного обмена абстрагируется, Преображенский считает необходимым в параграфе „Предварительные замечания“ специально обосновать целесообразность производимого им включения проблемы неэквивалентного обмена в анализ воспроизводства в нашем хозяйстве. Он считает в данном случае возможным не следовать точно за Марксом, в виду того что в капиталистическом хозяйстве неэквивалентность обмена представляет собою отклонение от нормы, в то время как в нашем хозяйстве, наоборот, — нормальным явлением. Нужно признать, что этот аргумент сам по себе не может, конечно, служить достаточным основанием для включения неэквивалентности обмена в теоретический анализ воспроизводства, ибо Маркс в своей теории воспроизводства абстрагировался не только от временных отклонений, но и от целого ряда чрезвычайно существенных составных частей капиталистической экономики. Достаточно вспомнить, что Маркс в своей теории воспроизводства абстрагируется от таких явлений, как кредит, закон средней нормы прибыли, обособление торгового капитала, чтобы понять, что известная закономерность в нашем хозяйстве неэквивалентного обмена сама по себе еще ни в какой мере не может служить основанием для включения этой проблемы в анализ воспроизводства.

Однако, дело не в том, что Преображенский не обосновал этого включения, а в том, что если бы он, по примеру Маркса, абстрагировался от неэквивалентного обмена, то ему нечего было бы сказать по вопросу о воспроизводстве. Как нельзя ничего сказать о капиталистическом воспроизводстве, абстрагировавшись от прибавочной ценности, точно также ничего невозможно понять и в нашем воспроизводстве, если отвлечься от того обстоятельства, что за влияние на простое товарное хозяйство ведется борьба между социалистическими и капиталистическими элементами. Нет поэтому абсолютно ничего удивительного в том, что теория воспроизводства Преображенского представляет собою не что иное, как только цифровую формулировку его закона первоначального социалистического накопления и к тому же формулировку очень неполную. Теснейшая связь и зависимость теории воспроизводства и теории регулятора, конечно, совершенно обязательны, однако, когда получается так, что в теории воспроизводства повторяется абсолютно то же самое, что говорилось в теории регулятора и для разнообразия приводятся только ничего нового не говорящие, но очень запутанные арифметические выкладки, то такую „связь“ вряд ли можно признать положительным явлением.

Вся теория воспроизводства Преображенского состоит из формулировки семи условий равновесия в советском хозяйстве. Попы-

таемся при помощи рассмотрения каждого из них доказать правильность только-что выдвинутых против этой теории обвинений.

Первое условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства“ (стр. 37; курсив автора).

Этот свой вывод „огромнейшего значения“ Преображенский доказывает следующим образом. Он берет в качестве условия то, что цены в нашем хозяйстве вдвое превышают мировые цены. Исходя из этих высоких цен, он строит цифровой пример, который изображает равновесие в нашем хозяйстве. Этот пример он считает формулировкой равновесия при неэквивалентном обмене, так как положенные в основу его построения цены вдвое превышают мировые цены. Считая, что таким образом показано равновесие при неэквивалентном обмене, Преображенский переходит к рассмотрению вопроса о равновесии при неэквивалентном обмене. Для этой цели он берет тот же цифровой пример и производит в нем снижение промышленных цен до уровня мировых промышленных цен, т.е. в два раза. В результате, конечно, получается резкая диспропорция, что и оказывается, с точки зрения Преображенского, достаточным основанием для утверждения о том, что первым условием равновесия в нашем хозяйстве является неэквивалентный обмен.

Нужно ли доказывать, что таким образом не менее легко „обосновать“ необходимость для сохранения равновесия любого соотношения цен, в том числе и необходимость эквивалентного обмена. Для этого нужно будет только построить такой цифровой пример, в котором равновесие установлено на основе мировых промышленных цен, а потом предположить, что промышленные цены внезапно повысились вдвое. Таким образом, разобранный „первое условие равновесия“ является лишь крайне неудачной попыткой лишний раз обосновать правильность закона первоначального социалистического накопления.

В своем шестом условии равновесия Преображенский снова возвращается к этому вопросу и на этот раз уже с точки зрения отрицательного влияния неэквивалентного обмена на товарность сельского хозяйства. На этот раз, следовательно, неэквивалентность обмена выступает как фактор, срывающий бесперебойное воспроизводство. Получается, таким образом, что в первом условии равнове-

сия неэквивалентность обмена рассматривалась, как необходимое условие равновесия, а в шестом условии оно рассматривается, как условие нарушения равновесия. Из этого очевидного противоречия автор пытается выйти следующим заявлением, „в последнем случае (в случае снижения цен. И. Б.) дело должно идти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости благодаря переоборудованию технической базы и вследствие рационализации производства“ (стр. 66) и дальше:

„Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивают коллективное производство над капиталистическим“ (стр. 68).

Оказывается, таким образом, что между реализацией первого условия равновесия и шестого условия равновесия существует разница во времени: до производства переоборудования технической базы нашей промышленности условием равновесия должен быть неэквивалентный обмен, после же этого, наоборот, эквивалентный обмен. Однако, такое решение проблемы есть не что иное, как увертка от решения.

Когда произойдет переоборудование технической базы нашей промышленности, тогда проблема неэквивалентного обмена будет снята, так же, как будут сняты и все основные трудности, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Речь идет о неэквивалентном обмене именно в реконструктивный период. С одной стороны, задача индустриализации страны требует известного минимума накопления и, следовательно, определенного уровня цен, в этом смысле (а отнюдь не по той причине, которую указывает Преображенский в своем первом условии) известная неэквивалентность обмена является условием расширенного воспроизводства; с другой стороны, эта же мера ухудшает на время реконструктивного процесса связь государственной промышленности с крестьянским хозяйством и улучшает положение, усиливает шансы капиталистического круга воспроизводства. Противоречивость нашей экономики в том и состоит, что интересы расширенного воспроизводства требуют сохранения на известный период неэквивалентного обмена, который в то же время является фактором, препятствующим расширенному воспроизводству, поскольку он в данный момент облегчает расширение капиталистического круга воспроизводства. В этом противоречии дано одновременно и условие сохранения равновесия и условие нарушения равновесия. Преображенский же эту единую проблему разбивает на два самостоятельных условия равновесия, между которыми он располагает еще четыре самостоятельных условия равновесия.

Вторым условием равновесия Преображенский считает необходимость определенного темпа накопления в государственной промышленности. Вообще говоря, этот вопрос является основным

вопросом проблемы воспроизводства. Однако, поскольку у Преображенского отсутствует правильный классовый анализ нашей экономики, у него этот действительно громадной важности вопрос сводится лишь к проблеме чисто рыночного равновесия и решается исключительно под углом зрения рыночного равновесия.

Недонакопление в государственном секторе, предположим, на 300 млн. руб. будет означать недопроизводство на 360 млн. руб., если считать, что 60 млн. будет равняться прибавочный продукт. Если учесть, что доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна 25%, то произойдет сокращение продукции, реализуемой в частном секторе на 90 млн. руб., „а это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 млн. рублей две трети относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего, крестьянского хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.-е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.-е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж своей продукции для экспорта и к увеличению внутрикрестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего, в частноторговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т. д., — диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать в условиях расширенного воспроизводства необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не могут следовать закупки, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако, само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготовляемые государственным сектором, неизбежно означает искус-

ственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями".¹

С темпом накопления в промышленности действительно связана судьба всех отраслей народного хозяйства. Влияние накопления в государственной промышленности на условия развития крестьянского хозяйства должно быть в центре внимания при анализе воспроизводства. Однако, зависимость, сформулированная Преображенским, чрезвычайно далека от той, которая существует в действительности. Предположим, что рассматриваемое Преображенским уменьшение накопления в государственном секторе произошло вследствие снижения налога на крестьянство или вследствие увеличения государственных ссуд сельскому хозяйству. Предположим, далее, что сокращение накопления коснется исключительно капитального строительства и в данный период не вызовет сокращения предложения ни средств потребления, ни средств сельскохозяйственного производства. Тогда в данный период вопреки цифровым выкладкам Преображенского недонакопление в государственной промышленности не вызовет ни сокращения предложения крестьянской продукции, ни деградации крестьянского хозяйства. Правда, это будет означать коренное изменение курса экономической политики и через некоторое время заставит (однако, совсем не в той форме, как пишет Преображенский) государство во избежание кризиса итти на расширение связи с мировым хозяйством и, может быть, итти на некоторые уступки в отношении пользования иностранным долгосрочным кредитом. Можно ли итти на эти уступки? До каких пределов можно на них итти? Что должно служить критерием при установлении этого предела? На эти вопросы, конечно, нет ответа у Преображенского. На них возможно дать правильный ответ, только исходя из правильного классового анализа нашей экономики. При ответе на них исходным пунктом должен служить учет интересов борьбы социалистического круга воспроизводства против капиталистического круга воспроизводства, т.е. интересов борьбы государственного сектора за отрыв простого товарного хозяйства из-под влияния капиталистического. И поскольку Преображенским правильного классового анализа не сделано, поскольку основной социально-экономической проблемы им не поставлено, постольку и вопрос о темпе накопления государственной промышленности решается им, как проблема увязки отраслей, а не как проблема борьбы классов.

Вопрос об определенном темпе накопления является, повторяем, основным вопросом воспроизводства. Исключительно низкий технический уровень нашей промышленности в условиях капиталистического окружения и громадного удельного веса мелкобуржуазной

экономики внутри страны требует быстрого темпа индустриализации, а следовательно, и накопления. Недонакопление или замедление темпа индустриализации усиливает влияние капиталистических элементов на простое товарное хозяйство, расширяет капиталистический круг воспроизводства и таким путем может нарушить процесс воспроизводства, т.е. привести к кризису. Следовательно, известный минимум накопления действительно является необходимым условием бесперебойного расширенного воспроизводства. В этом смысле Преображенский прав. Однако, его аргументация, как мы только что видели, ничего не в состоянии доказать, ибо он пытался этот вопрос решить не путем анализа основного внутреннего противоречия нашей экономики, а с точки зрения непосредственно-рыночного равновесия. Только при правильной постановке вопроса, учитывающей весь классовый переплет, на фоне которого происходит это расширенное воспроизводство, возможно решить вопрос о темпе накопления.

„Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед“ (стр. 39).

Вслед за этой цитатой приводятся три случая так называемого перенакопления, из коих два являются результатом ошибок планирования, а третий обусловлен объективными трудностями реконструктивного периода. Так как случаи нарушения, вызванные ошибками планирования, не могут представлять интереса при теоретическом анализе воспроизводства, мы остановимся только на третьем случае.

Здесь имеется в виду случай, когда „переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и при наличии товарного голода приостановит процесс снижения цен“ (стр. 41).

Образовавшаяся таким образом диспропорция является результатом объективных трудностей:

„В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства“ (стр. 41).

¹ „Вестник Комм. Академии“, № 22 за 1927 г., стр. 38.

Далее Преображенский останавливается на том влиянии, которое происшедшее обострение товарного голода оказывает на сельское хозяйство.

„Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого развертывания государственного хозяйства сведутся, прежде всего, к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые предъявит к нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо“ (стр. 41—42).

Приведенные цитаты как будто бы свидетельствуют о том, что Преображенский видит действительные трудности воспроизводства, вытекающие из реконструктивного характера переживаемого периода. Объективная необходимость усиленного капитального строительства, неизбежность обострения на первых порах реконструктивного процесса товарного голода, наконец, опасность ослабления смычки государственной промышленности с крестьянством,—все это, если судить по приведенным цитатам, как будто ясно Преображенскому. Однако, разрешает он правильно сформулированную им основную проблему воспроизводства следующим образом:

„С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства во времени“ (стр. 42).

Если автору угодно центр тяжести перенести на терминологическую сторону вопроса, то мы не станем с ним спорить. Пусть, рассматриваемый случай кризисного характера считается не результатом перенакопления на одном участке государственной промышленности, а наоборот, результатом недонакопления во всей государственной промышленности. В этом мы охотно с автором соглашались. Однако, вторая часть цитаты, в которой автор ограничивается успокоением себя и других тем, что в данный момент иначе быть не может, а что после завершения технической реконструкции промышленности исчезнут все эти трудности нам представляется по меньшей мере неудовлетворительной. В своем втором условии равновесия Преображенский описал некоторые трудности, стоящие на пути воспроизводства, но тут же от них отмахнулся.

Вообще же относительно второго условия следует сказать, что поставленная в нем проблема полностью совпадает с той, которая ставится первым и шестым условиями равновесия. Как там, как и здесь речь идет об урезке части крестьянского дохода в пользу увеличения основного капитала промышленности. Эта урезка является абсолютно необходимой для победы социалистического круга воспроиз-

изводства над капиталистическим, и следовательно, для бесперебойного процесса воспроизводства. Однако, она же затрудняет смычку государственной промышленности с крестьянским хозяйством, и следовательно, укрепляя позиции капиталистического круга воспроизводства, препятствует бесперебойному расширенному воспроизводству. Вопрос о темпе накопления и вопрос о неэквивалентном обмене являются, таким образом, проявлением одного и того же противоречия и представляют собою одну (а не три, как у Преображенского) проблему. Сделать из этой одной проблемы сразу несколько Преображенский смог только тем, что выхолостил из нее все социальное содержание и свел ее исключительно к отдельным техническим проблемам рыночного равновесия. Однако, поскольку рыночное равновесие может осуществляться только на определенной социально-экономической основе и является лишь проявлением определенных экономических процессов, постольку неудивительно, что построения Преображенского оказываются не в состоянии объяснить действительность даже в том случае, если эту действительность брать исключительно в ее рыночных проявлениях.

Мы установили, таким образом, что первое, второе и шестое условия равновесия трактуют по существу не о трех разных, а все об одном и том же противоречии. Теперь приходится отметить, что о том же самом речь идет и в четвертом условии равновесия.

Суть четвертого условия равновесия сам автор формулирует следующим образом:

„Если в советской экономике с II государственного сектора плюс с II частного сектора минус средства производства, которые само второе подразделение объединенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны в плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения объединенного¹ частного сектора, то: 1) при дефиците первого подразделения объединенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения объединенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части в II госсектора, т.е. той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т.е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства; 3) если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения объединенного частного сектора на соответствующую

¹ Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

часть в II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает, однако, еще более быстрое развитие тяжелой промышленности; 4) при невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства и на средства потребления, изготавливаемые в государственном хозяйстве" (стр. 56—57).

Эту формулировку автор подвергает цифровой конкретизации. Он строит две пары подразделений соответственно двум секторам народного хозяйства (государственного и частнокапиталистического) и рассматривает обмен веществ, происходящий между этими секторами и их двумя подразделениями. Так как автор стремится к тому, чтобы его цифровые выражения соответствовали действительным рыночным соотношениям, существующим в нашем хозяйстве, то в результате произведенного им рассмотрения обмена веществ между секторами получился вывод, что наиболее узким местом в процессе воспроизводства является наша тяжелая индустрия. Первое подразделение частного сектора предъявляет спрос на продукты первого подразделения государственного сектора в большем количестве, чем само ему продает. Образовавшийся дефицит может быть покрыт, во-первых, путем импорта оборудования для сельскохозяйственного производства и, во-вторых, путем сокращения непроизводительного потребления в первом подразделении государственного сектора. Но так как обе эти возможности ограничены вполне определенными и чрезвычайно узкими пределами, то этот дефицит остается существовать. Это обстоятельство оказывает отрицательное влияние на состояние отраслей первого подразделения частного сектора: происходит относительное сокращение производства технических культур и в особенности их товарности. Поскольку же технические культуры являются сырьем для легкой индустрии, то получается, что от недоснабжения первого подразделения частного сектора страдает и второе подразделение государственного сектора. Из всего этого Преображенский делает следующий вывод:

„Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время предшествовать расширенному воспроизводству упомянутых отраслей" (стр. 52).

К такому же выводу Преображенский приходит, рассматривая вопрос с другого конца, со стороны второго подразделения частного сектора. В этом подразделении тоже оказывается избыток его продукции и дефицит продукции государственного сектора. Так же, как

и в предыдущем случае, недостаток продуктов государственной промышленности оказывает отрицательное влияние на условия развития соответствующих отраслей частного сектора.

„В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который объективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных, очень высоких ценах...

Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности" (стр. 55).

Вот к чему, по существу, свелось четвертое условие равновесия: интересы всего народного хозяйства требуют быстрого развития тяжелой индустрии. Этот вывод является безусловно совершенно правильным, однако, почему он является содержанием четвертого условия равновесия, а не первого, второго или шестого — непонятно. Первое условие равновесия ставит проблему неэквивалентного обмена, которую нельзя не только разрешить, но даже и сформулировать, отделив ее от проблемы быстрого развития тяжелой индустрии. Мы уже не говорим о том, что в свое второе условие равновесия и, в частности, в вопрос о недонакоплении Преображенский включил не только те же мысли, что и в четвертое условие равновесия, но даже и те же формулировки.

Не отличаясь от первого и второго условий по существу поставленных в них проблем, четвертое условие не отличается от них и по качеству разрешения этих проблем. Попрежнему автор не выходит за пределы отвлеченного рыночного равновесия. Стоит только изменить цифры, которые сами по себе автором совершенно не обоснованы, как вывод окажется совсем другим. Поэтому вся та грузная аппаратура цифр и схем, которыми в данном случае Преображенский оперирует, поскольку взятые соотношения им не обоснованы, представляется нам совершенно излишней. Необходимость быстрого роста тяжелой индустрии в таких громоздких доказательствах не нуждается. Зато вопрос об источниках этого роста, вопрос о соответствующем распределении национального дохода в интересах этого роста, вопрос о классовой борьбе, которая хотя и в экономической форме, но неизбежно на этой почве будет происходить, — эти вопросы, разрешение которых, казалось бы, с большим правом чем всех остальных следует считать основной задачей теории равновесия, — в анализ Преображенского совершенно не входят.

Для полноты остановимся вкратце и на остальных трех условиях равновесия. Третье условие равновесия Преображенский формулирует следующим образом:

„Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экс-

порта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недоразвитости тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления" (стр. 47—48).

Значит, во-первых, максимальная связь с мировым хозяйством и, во-вторых, такая организация экспорта, которая превратила бы его в автоматический регулятор процесса расширенного воспроизводства. При обосновании этих двух выводов Преображенский совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что импорт оборудования чрезвычайно облегчает процесс расширенного воспроизводства и ускоряет процесс реконструкции промышленности. Если подходить к вопросу только с этой стороны, т.-е. опять-таки только с точки зрения рыночного равновесия, то вывод о необходимости "максимальной связи с мировым хозяйством" окажется совершенно правильным. Однако, нужно ли доказывать, что проблема связи с мировым хозяйством, при господстве капиталистических отношений во всех странах кроме нашей, при громадном удельном весе товарной стихии внутри нашей страны, при сильной технической отсталости нашей промышленности выводит нас далеко за пределы чисто рыночного равновесия. Сказать что импорт оборудования нам нужен и что он является "автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства" и ограничиться этим,— значит ничего не сказать о действительно сложнейшей проблеме связи хозяйства диктатуры пролетариата с мировым капиталистическим хозяйством.

Однако, если третье условие от всех рассмотренных выше методологически ничем не отличается, то в основу пятого и седьмого, наоборот, положен совершенно не тот принцип, который положен в основу всех остальных. Под номером пятым устанавливается, что необходимым условием равновесия является систематическое повышение заработной платы, при чем доказывается это положение не аргументами от рыночного равновесия, а необходимостью повышения культурного (в том числе и политического) уровня рабочего класса. В таком же роде оказывается и седьмое условие равновесия, где говорится о необходимости сокращения безработицы. В самой постановке вопроса в этих двух условиях мы ничего неправильного не видим. Наоборот, нам представляется, что познавательная ценность этих двух условий значительно выше, чем всех остальных, несмотря на то, что проблемы содержащиеся в них далеко не являются главными проблемами процесса воспроизводства. Заслуживающим внимания нам представляется лишь то обстоятельство, что

Преображенский вышел за пределы чисто рыночного анализа именно в этих двух случаях. В самом деле, почему с такой же точки зрения не поставить вопрос о кооперировании крестьянства, как об одном из обязательных условий равновесия?

Нам думается, что собака здесь не глубоко зарыта: все семь условий равновесия направлены на обоснование необходимости неэквивалентного обмена. Поскольку вопрос о заработной плате автору смог пригодиться для этой цели, он был включен в число "условий" и, наоборот, поскольку вопрос о кооперировании крестьянства оказался не в состоянии сослужить эту службу, он подвергся забвению.

После того как мы рассмотрели познавательную ценность каждого из семи условий в отдельности, мы считаем целесообразным сделать в отношении их несколько общих замечаний.

Нами неоднократно отмечалось, что в своих условиях равновесия Преображенский анализирует чисто рыночные моменты, совершенно отвлекаясь от хозяйственно-экономических процессов, лежащих в их основе. Не единый экономический процесс реализуется в большом множестве рыночных проявлений. Продукты труда различных отраслей выходят на рынок и приравниваются друг к другу как в смысле материально-производственном, так и в смысле количественно-ценностном; в результате соприкосновения продуктов различных отраслей образуются определенные цены; результатом определенного уровня цен являются определенные возможности накопления; это, в свою очередь определяет соотношение между отраслями,— все эти моменты являются не чем иным, как суммой различных рыночных проявлений единого хозяйственно-экономического процесса, полностью определяющего характер этих проявлений.

Что нужно класть в основу анализа условий равновесия расширенного воспроизводства,— происходящий хозяйственно-экономический процесс или рыночные формы его проявления? Почему Маркс в своих схемах расширенного воспроизводства, отвлекаясь от цен, оперировал ценностью, отвлекаясь от средней нормы прибыли, оперировал прибавочной ценностью, затем отвлекаясь от кредита, исходил из непосредственной купли — продажи и т. д.? Преображенский абстрагирование Марксом от колебания цен вокруг ценности объясняет тем, что в капиталистическом хозяйстве цены товаров тяготеют к их ценности. Нужно ли доказывать абсолютную несерьезность этого аргумента? Он свидетельствует лишь о том, что его автор абсолютно игнорирует особенность того метода, которым пользовался Маркс при анализе расширенного воспроизводства. Маркс в теории воспроизводства анализировал не рыночные проявления, а то, что лежит в их основе: хозяйственный процесс в его определенном социально-экономическом оформлении.

Не поняв этого, Преображенский и сводит весь свой анализ к анализу чисто рыночных явлений. Достаточно вспомнить, как он

в своем первом условии решает вопрос о необходимости неэквивалентного обмена, где вся его аргументация сводится к простой тавтологии, или, что необходимость быстрого темпа накопления (второе условие) он пытается доказать тем, что в противном случае немедленно создается рыночная диспропорция; достаточно вспомнить хотя бы только это, чтобы увидеть, что его условия равновесия соответствуют перечисленным выше (стр. 29) рыночным формам проявления и чрезвычайно мало способствуют уяснению того процесса, который лежит в их основе.

Однако, анализ различных сторон внешне-рыночного равновесия Преображенский производит под определенным углом зрения. По существу все его семь условий равновесия имеют строго определенное задание: оправдать закон первоначального социалистического накопления. Поэтому он в своем первом условии делает вывод в пользу неэквивалентного обмена, хотя при такого же рода аргументации он с одинаковым успехом мог бы сделать и противоположный вывод; поэтому он и второе и четвертое и шестое условия подгоняет под этот же вывод, хотя, поскольку он ограничивался одним только рыночным равновесием, он с равным успехом мог бы прийти и к другому выводу; поэтому же, наконец, он делает исключение для роста заработной платы и ликвидации безработицы, и, принимая их как особые условия равновесия, выходит за рамки анализа чисто рыночного равновесия.

Аппаратура для подкрепления закона первоначального социалистического накопления пущена в ход большая. Однако, нужно сказать, что к той аргументации в пользу этого закона, которая имеется в новой экономике, она абсолютно ничего не прибавляет. Что же касается проблемы воспроизводства, то она не только не разрешена, но даже и не поставлена. Причиной неудачного исхода этой попытки Преображенского, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в основу работы была положена в корне неправильная формулировка классовой структуры нашей экономики.

В параграфе „Предварительные замечания“, в котором излагаются исходные пункты теории воспроизводства, Преображенский ставит читателя в известность, что он считает необходимым делить наше хозяйство не на два, а на три сектора. „Однако, — заявляет он тут же, — часто (разрядка наша. И. Б.) характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым“. Очевидно, словом „часто“ автор хотел отметить, что он не всегда будет растворять капиталистический сектор в простом товарном и что, следовательно, его указание на необходимость делить наше хозяйство на три сектора имеет не только декларативное значение. Сейчас, после разбора всей работы, приходится отметить, что все семь условий равновесия, которые в совокупности и составляют теорию воспроизводства, Преображенского, все они выведены из анализа двухсекторного, а не трехсекторного хозяйства.

Влияние капиталистического сектора на процесс воспроизводства совершенно нигде не рассматривалось и не учитывалось, несмотря на то, что здесь имел место теоретический анализ, и следовательно, „отсутствие нужных цифр“ не могло еще сыграть своей печальной роли.

На протяжении всей работы автор касается капиталистического сектора всего только два раза: в параграфе „Предварительные замечания“ он рассматривает отношение различных групп капиталистического сектора к неэквивалентному обмену и второй раз касается капиталистического сектора в подстрочном примечании. Очевидно, эти два случая автор считает достаточным основанием для сделанного им в начале работы заявления о необходимости делить наше хозяйство на три сектора. Рассмотрим первый из них.

„Нужно отметить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и аграрный участок, с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену“ (стр. 26).

Высокие цены на продукцию госпромышленности, образовавшиеся под влиянием закона первоначального социалистического накопления, неизбежно должны перекинуться и на промпродукцию производимую в частном секторе. Торгово-промышленные капиталисты, которые при свободном действии закона ценности принуждены были бы мириться с гораздо более низкими ценами, теперь, оказывается, подпали под покровительство закона первоначального социалистического накопления. В противоположном положении оказались сел.-хоз. капиталисты: поскольку они являются покупателями промпродукции и, наоборот, продавцами сравнительно дешевой сельскохозяйственной продукции, они ведут жесточайшую борьбу за победу закона ценности на основе закона первоначального социалистического накопления. Получается, таким образом, что образуется очень сильная экономическая база для блока госпромышленности с торгово-промышленной группой капиталистов, с одной стороны, и противоположного блока бедняков и середняков с сельскохозяйственными капиталистами — с другой.

Проблема неэквивалентного обмена в такой мере довлеет над Преображенским, что из-за нее он не в состоянии видеть ничего остального. Даже тогда, когда речь зашла о конкретных устремлениях капиталистического сектора принцип неэквивалентного обмена заставил автора перевернуть на голову все действительные отношения.

Если рассматривать сельскохозяйственного капиталиста лишь как продавца продуктов своего труда и покупателя продуктов чужого труда, тогда, пожалуй, действительно дело должно происходить по Преображенскому. Но тогда возникает только одно неудобство: сотрется всякая грань между крестьянином-середняком и сельскохозяйственным капиталистом. Стимулом деятельности серед-

няка-крестьянина является стремление за свой труд получить возможно больше общественного труда и потому соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен на судьбу его хозяйства оказывает решающее влияние. Судьба же капиталистического предприятия зависит не просто от уровня цен, а от условий эксплуатации, в которых цены на изделия являются лишь одним из факторов. Это обстоятельство особенно нужно иметь в виду в нашем переходном хозяйстве, где решающим фактором, определяющим конъюнктуру для капиталистического сектора, является степень влияния экономической политики государства.

„Ножницы“ невыгодны сел.-хоз. капиталисту, как продавцу сел.-хоз. продукции и покупателю промышленной продукции. Но „ножницы“, вместе с тем, ослабляют влияние государственного сектора на рынке сырья и создают для сел. хоз. капиталиста условия для более тесной и выгодной увязки с крестьянином — производителем сырья и промышленным капиталистом или раздатчиком. Они не противопоставляют промышленного капиталиста сельскохозяйственному, — как думает Преображенский, — а наоборот, создают условия, при которых сельскохозяйственный капиталист оказывается в состоянии отвоевывать крестьянина от социалистического круга воспроизводства и втягивать его в капиталистический круг воспроизводства, давая этим самым капиталистическому кругу расти также и за счет кустарей, т.е. в общей сложности совершать расширенное воспроизводство за счет социалистического круга. В какой мере то или иное соотношение цен может служить показателем состояния конъюнктуры для капиталистических элементов, видно хотя бы из истории последнего хлебазаготовительного кризиса. Капиталистические элементы деревни, которым недостаточно прочная связь социалистических командных высот с крестьянским хозяйством дала возможность приумножить свои скудные средства путем спекулятивной скупки крестьянского хлеба, вряд ли будут сетовать на то, что чрезмерный разрыв цен ослабил позиции социалистического сектора.

В известных размерах и до известного времени „ножницы“ неизбежны. Этого требуют интересы индустриализации отсталой страны. Однако, необходимо иметь в виду, что обусловленные задачей, социалистического строительства, „ножницы“, вместе с тем, в каждый данный момент затрудняют усиление смычки госпромышленности с сельским хозяйством и, следовательно, соответственно укрепляют позиции капиталистического круга воспроизводства. Это противоречие является проявлением основного противоречия нашей экономики. Естественно, что поскольку Преображенский в извращенном виде воспринимает это основное противоречие, постольку и формы его проявления находят в его работе совершенно неправильное освещение. Преображенский основное противоречие нашей экономики выводил из противопоставления государственного сектора

частному, в то время как на самом деле оно возникает из борьбы социалистического круга воспроизводства с капиталистическим. При решении вопроса об основном противоречии нашей экономики Преображенский игнорирует принципиальную разницу между капиталистическими элементами в нашем хозяйстве и элементами простого товарного производства, поэтому при попытке конкретного анализа действительная роль капиталистических элементов у него смазывается и они частично превращаются в союзников пролетариата, частично — в союзников крестьянства. Четкое разграничение трех, принципиально отличных друг от друга основных элементов нашей экономики — социалистических, капиталистических и простого товарного производства — показывает, что не капиталисты делятся на союзников госпромышленности и крестьянства, а простые товаропроизводители (крестьянство и кустари) могут стать как союзниками пролетариата, так и союзниками буржуазии, вследствие чего борьба двух противоположных секторов (социалистического и капиталистического) превращается в борьбу двух кругов воспроизводства. Если в капиталистическом строе судьба каждого отдельного капиталиста сильнее всего образом зависит от общих условий производства прибавочной стоимости, то в нашем хозяйстве она не менее сильно зависит от общих условий развития капиталистического круга воспроизводства. Поэтому трудности смычки, которые „ножницы“ в каждый данный момент обостряют, нельзя смазывать тем, что эти „ножницы“ невыгодны также и сел.-хоз. буржуазии. Поскольку факт „ножниц“ и их определенные размеры обуславливаются требованием индустриализации страны, они („ножницы“) в конечном счете действуют против всех капиталистов и промышленных и сельскохозяйственных; однако, поскольку в данный момент „ножницы“ ухудшают смычку, они создают возможность расширения деятельности как для промышленных, так и для сельскохозяйственных капиталистов. Рассмотренный случай анализа Преображенским капиталистического сектора лишний раз показывает какую глубочайшую ошибку он совершил, сделав неэквивалентный обмен исходным пунктом своей теории воспроизводства.